

(В.А.Лопухину поэт страстно и долго любил). Зафир «жил у Саши как служебный гений, Домашний дух (по-русски домовый)».

В 132-ой строфе поэмы герой дает ему поручение: «И наконец он подал знак рукой И тот исчез быстрее китайской тени». Приведенное двустопное содержит сравнение, которое наверняка многих ставит в тупик, и потому нуждается в толковании.

Действительно, что хотел сказать поэт, сообщая нам, что Зафир исчез быстрее, чем китайская тень? И вообще не странно ли сочетание этих слов? Ведь тень может быть густой, длинной и т.д., но не русской, французской и др. Ответ на этот вопрос не лежит не только на языковой плоскости. Надо вспомнить также, что среди видов искусств существует такой, как театр теней, род игрушечного картонного театра, при котором между «показывающим» экраном и источником света используются плоские куклы из бумаги или кожи, создающие на той или иной декорации различные силуэты. Родился он в Азии, к нам попал из Китая, откуда и пошло его название *китайские тени*.оборот *китайские тени* как наименование театра употребляется только во множественном числе. У М.Ю.Лермонтова, как и у некоторых других писателей, мы наблюдаем словосочетание «единственного числа» (*китайская тень*), приобретающее переносное значение – «быстродвигающийся силуэт куклы, призрак».

Возможное заблуждение. Грамматика меняется медленно, и устаревших фактов, например, морфологии в языке Лермонтова почти нет. Но нельзя думать все же, что в нем все, как у нас. В стихотворении «Заблуждение Купидона», написанном еще в Московском университетском пансионе (1828г.), вас может ввести в заблуждение одна грамматическая форма. Истинное ее значение вы можете просто не заметить, особенно при беглом чтении, когда по-настоящему в смысл не вникаешь.

Вот заключительные горько-констатирующие строки, в которых она содержится:

Так в наказаниях почти всегда бывает:

Которые смиренней, на тех падет вина.

Прочтите их внимательно. Все ли здесь «наше»? Где архаическая форма? *Падет*? Верно. Перед нами мнимая форма будущего времени. В действительности мы имеем дело здесь с формой настоящего, только уже устаревшей, заброшенной нами на далекую периферию языка. О том, что *падет* - настоящее время от *пасть*, а не будущее (хотя актуальная и регулярная форма настоящего времени *падает* нас путает), совершенно очевидно говорит и «всевременной» характер афоризма, и наречие *всегда*, и настоящее время *бывает*.

Возможно, что *падет* попала к Лермонтову в стихи как элемент традиционно-поэтической лексики (вместе с соответствующим грамматическим значением). Такое слово неоднократно встречается, например, как форма настоящего времени у А.С.Пушкина:

Восходит к смерти Людовик

В виду безмолвного потомства,

Главой развенчанной приник

К кровавой плахе вероломства.

Молчит закон – народ молчит,

Падет (=падает) преступная секира...

И се - злодейская порфира

На галлах скованных лежит.

(«Вольность»).

Правильно ли без запятых? Первое известное нам стихотворение четырнадцатилетнего М.Ю.Лермонтова «Осень» (1828) начинается следующим четверостишием:

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.

В нем все понятно, «все на русском языке» (Твардовский). Но не режет ли глаза третья строчка? Не привлекает ли к себе при вторичном прочтении слово *поникши*? Наверное, привлекает и удивляет. Кажется, что здесь не хватает то ли запятых перед и после слова, то ли буквы *е* в его конце. Оно может быть деепричастием совершенного вида (таким, как замерзши, принесши и т.д.). Ведь деепричастия на –ши совершенного вида существуют как производные от основ совершенного вида с суффиксом –ну-, если он устраняется в формах прошедшего времени, а также от основ на заднеязычные г, к, на з, с, на р и даже на д и т, типа устарелых пришедши и приобрети.

В таком случае, почему, тут нет запятых? Опечатка? Или Лермонтов не знал, что препозитивное деепричастие всегда обособляется, а на письме выделяется запятыми? Ни то, ни другое. Просто здесь *поникши* не деепричастие, а прилагательное, выступающее как определение к существительному-подлежащему *ели*. Но тогда, по какой причине отсутствует «заключительное» привычное *е* полных прилагательных (зеленые, высокие, стройные и т.д.)? По самой простой. Перед нами здесь не полное прилагательное (но и не краткое: краткое прилагательное выступает всегда в качестве сказуемого), а так называемое усеченное. Усеченные прилагательные поэтами XVIII – первой половины XIX в. употреблялись очень активно и часто как одна из поэтических вольностей, «усекающих» лишний слог. Использовались такие прилагательные с чисто версификационными целями в пределах предложения на правах определений, а не сказуемых. Это их самая яркая дифференциальная черта, хотя от кратких прилагательных их отличало иногда также и ударение, всегда совпадавшее с ударением «родительского» полного прилагательного.

Исчезли они как регулярная поэтическая вольность только после преодоления Пушкиным и Лермонтовым традиций стихотворной речи XVIII в.

С 40-х годов XIX в. В русской поэтической практике они уже встречаются изредка. У раннего Лермонтова их также много, как и у раннего Пушкина. Вот несколько примеров:

Но долго, долго ум хранит Первоначальны впечатленья («Поэт»), Русы волосы кудрями Упадают средь ланит («Портреты»), Жизнь любит юность румяну (там же), И пыхнет огонь на девственны ланиты («Письмо»), Я презрю песнопенья громки («Наполеон») и т.д.

Литература

1. Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица. Т.35.-М., 1986.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. –М., 1988.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.- М.,1979.
4. Шанский Н.М. О лермонтовской поэзии. М., 1996.
5. Николин Н.А. Структура повествования в творчестве М.Лермонтова.М., 2010.